

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР? ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ? ИЛИ ЧТО-ТО ТРЕТЬЕ?

© 2019 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 09.09.2019 г.

Аннотация. Автор в порядке постановки проблемы рассматривает ситуацию, в которой оказывается судья на финальной стадии судебного процесса по уголовному делу, когда для вынесения обвинительного приговора недостает необходимых доказательств, а для вынесения оправдательного приговора недостает оснований, поскольку судья внутренне не убежден в том, что подсудимый не совершил инкриминируемого ему деяния. При этом автор обращает внимание на то, что действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено в оправдательном приговоре обоснования доказательствами отсутствия вины подсудимого. Вместе с тем закон обязывает судью, чтобы его приговор был законным, обоснованным и справедливым, чего нельзя достичь в обозначенной ситуации. Переквалификация обвинения на более мягкое, как и снижение наказания «до минимума» и даже «ниже низшего», в подобной ситуации не будет отвечать принципу справедливости. Однако Сводом законов Российской Империи 1857 г. был предусмотрен вид уголовного наказания — «оставить под подозрением», широко используемый в судебной практике. Автор предлагает вернуться к трехвариантному виду приговоров, наполнив третий вид соответствующим современным реалиям содержанием.

Ключевые слова: оправдательный приговор, обвинительный приговор, справедливость в правосудии, дихотомный подход, недостаточность доказательств, вид приговора «оставить под подозрением».

Цитирование: Клеандров М.И. Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7–15.

Статья выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S013207690007813-6

A VERDICT OF NOT GUILTY? A VERDICT OF GUILTY? OR SOMETHING THIRD?

© 2019 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 09.09.2019

Abstract. The author posing the problem considers the situation when the judge is at the final stage of the criminal trial and there is insufficient evidence to convict as well as there are no grounds for acquitting the verdict, because the judge is not internally convinced that the defendant did not commit the act incriminated to him. Moreover, the author draws attention to the fact that the current criminal procedure legislation does not provide the justification by evidence that the accused is not guilty in the acquittal. At the same time, the law obliges the judge to have a lawful, reasonable and fair verdict, which cannot be achieved in the indicated situation. The recharacterization of the charges to a milder one, as well as the reduction of the verdict “to a mandatory minimum” and even “less than the statutory mandatory minimum” in such situation will not meet the principle of justice. However, the Code of Laws of the Russian Empire of 1857 provided such type of criminal verdict as “leaving under suspicion”, which was widely used in judicial practice. The author suggests returning to the three options types of verdicts filling the third type with the content relevant for present realities.

Key words: a verdict of not guilty, a verdict of guilty, equity in justice, dichotomous approach, lack of evidence, type of verdict as “leaving under suspicion”.

For citation: Kleandrov, M.I. (2019). A verdict of not guilty? A verdict of guilty? Or something third? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 7–15.

The article is made using ATP “ConsultantPlus”.

В науковедении есть такое понятие, как «окно Овертона»: концепция Джозефа Овертона объясняет, как в общественное сознание можно — в принципе — внедрить ложные идеи, воспринимаемые обществом в качестве абсолютной, непогрешимой истины. А иногда подобный ложный постулат формируется в обществе сам по себе, произвольно. Классическим примером окна Овертона является принятое около 200 лет назад решение Французской Академии наук, наверняка не спонтанное, о том, что с неба камни падать не могут, ибо на небе нет камней. Внедрение в общественное сознание чего-либо несусветного специально и целенаправленно либо произвольно и «непонятно почему» проходит несколько ступеней: немыслимое — радикальное — приемлемое — разумное — стандартное — действующая норма, обыденное. Примером подобного, причем по времени быстрого прохождения этого процесса может служить быстрая смена отношения в ряде стран Запада к гомосексуализму. На очереди там, по-видимому, процесс развития благосклонного отношения к педофилии, зоофилии, инцесту...

Не исключено, что в вопросе справедливости отрицания вины подсудимого при недостаточности доказательств наличия этой вины мы находимся в парадигме окна Овертона (вина здесь понимается широко, не только как психическое отношение подсудимого, обвиняемого, подозреваемого к своим действиям, бездействию..., но и широко, упрощенно: он убил или не он убил...). Между тем отсутствие доказательств вины не является доказательством ее отсутствия, т.е. тот факт, что ни предварительное, ни судебное следствие не добыло достаточных доказательств, не доказывает, что их вообще нет. Они — объективно — есть (должны быть, могут быть...), но их добыто недостаточно

для признания обвинения судом и вынесения обвинительного приговора.

Однако ведь доказательств отсутствия вины никто не ищет: ни процессуальные органы — за редчайшим исключением, ни судьи. И, вынося оправдательный приговор, суд опирается не на доказательства отсутствия вины, а на отсутствие или недостаточность доказательств наличия вины подсудимого. С точки зрения подсудимого и его защитников это справедливо, но с точки зрения потерпевшего, его родных и представителей в суде, — несправедливо, даже если они признают, что доказательств вины подсудимого недостаточно: ведь они уверены, что эти доказательства объективно есть, просто их плохо искали...

Остриё же проблемы всего сегодняшнего механизма правосудия, прежде всего уголовного, заключается именно в определении: достаточно ли доказательств вины подсудимого (для вынесения обвинительного приговора) или недостаточно (для вынесения оправдательного приговора). Такая вот дихотомия...

И сегодня это — очень тонкая психологическая материя, опосредуемая подчас весьма тяжелыми размышлениями судьи. Ведь весь механизм правосудия заострен на достижение главной его цели — вынесение справедливого судебного акта. А эта справедливость в механизме уголовного правосудия должна быть обеспечена судом двояким действием: установлением в ходе судебного следствия фактических обстоятельств — полным и всесторонним выяснением того, что «там было на самом деле», и квалифицированной юридической оценкой этого самого «что было». Довольно убедительно с ориентацией на справедливость в правосудии такой подход обосновал судья Европейского Суда по правам человека Цупанчич: «Судебное решение

будет справедливым, если диалектика действует через взаимопреобразование фактов в выбор относящихся к делу фактов. Тем самым выбор правовой нормы зависит от первоначальной оценки фактов. И наоборот, оценка выбранных фактов влияет на выбор правовой нормы¹.

Как известно, в ряде зарубежных государств официально существуют несколько основных стандартов доказанности, коими оперируют судьи, и стандарт «вне сомнений» позволяет обоснованно и уверенно вынести обвинительный приговор. Но эта названная доказанность опирается на установление того, «что было на самом деле». А получивший в самые последние годы широкое распространение институт «сделки со следствием» этого просто не требует, поэтому нижеследующие рассуждения автора на него не распространяются.

Ситуации, возникающие к финальной стадии судебного процесса по уголовным делам, которые в рамках дихотомии (или двоичной логики) можно оценить, как установлено и доказано, что подсудимый виновен (он убил) либо невиновен (он не убивал), не только не редки, наоборот — часто встречаются и даже для начинающего судьи обычно проблемой вынесения справедливого приговора не становятся.

Проблемой они становятся в ситуациях, возникающих также к финальной стадии судебного процесса по уголовным делам, которые можно оценить как находящиеся в логике многозначной. Здесь уже должны действовать понятия, помимо «виновен/невиновен», и «не определено», «не имеет решения», а то и «доказано, что виновен, на 50 процентов» (т.е. можно предположить, что есть доказательства также в размере 50 процентов невиновности). Вполне очевиден здесь и вероятностный подход: подсудимый виновен с вероятностью в ... процентов, а с вероятностью в ... процентов — не виновен. Но все это формируется в сознании судьи на всем продолжении судебного следствия, окончательно формируется на финальной стадии процесса, но «выплеснуться наружу» не может, в этом-то и проблема.

Трактовка Положения ст. 1176 т. XV Свода законов Российской Империи 1857 г., которую так любят воспроизводить молодые адвокаты, согласно которому «лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невиновного», смотрится великолепно, особенно в современной системе моральных ценностей, но напрашивается вопрос, если эту трактовку рассмотреть буквально:

а с какой целью лучше освободить этих десять виновных? Если они виновны, значит, есть несомненные доказательства их вины, совершения ими инкриминируемых им преступлений. Больше того, их освобождает от наказания суд в ситуации, к примеру, группового преступления, когда вина одиннадцатого участника не доказана. Вряд ли это было сказано ради красного словца — уровни уголовно-процессуального законотворчества и судебной практики в России и до судебной реформы 1864 г. были высоки. Сегодня такой идеологической установки нет, да и в середине XIX в. судебная практика вряд ли рьяно ей следовала.

Но сама проблема определения судьей «виновен/невиновен» и сегодня не утратила своей значимости. Как в идеале должен поступить судья при недостаточности доказательств вины подсудимого при наличии с очевидностью сомнений в его невиновности в совершении именно данного преступления? Какой судебный акт в такой отчетливо видной ситуации вынес бы идеальный судья² или, по Р. Дворкину, судья Геркулес, обладающий «сверхчеловеческой квалификацией», ученостью, терпением и проницательностью³, либо судья, в котором, по мнению В.Ф. Яковлева, «должны присутствовать и сочетаться по крайней мере четыре качества: общая культура, высокий профессионализм, независимость от всякого рода внешних факторов и воздействия, а также его полная беспристрастность по каждому конкретному делу»⁴; или, как полагал А.Ф. Кони, «чтобы не быть простым орудием внешних правил, действующим с безучастною регулярностью часового механизма, судья должен вносить в творимое им дело свою душу и, наряду с предписаниями положительного закона, руководствоваться безусловными и вечными требованиями человеческого духа»?⁵

А ведь у него по причине названной дихотомии, что называется — руки связаны. В действующем УПК РФ в гл. 39 «Постановление приговора», ст. 299 «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора» перечислена 21 позиция, но в ст. 302 «Виды приговоров» их названо всего два: оправдательный и обвинительный, и, как говорится, третьего не дано. При этом в ч. 4 этой же статьи провозглашено: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях

² См. подр.: Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования. М., 2017. С. 166–176.

³ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л.Б. Макаева М., 2004. С. 152.

⁴ Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 1. С. 5.

⁵ Цит. по: Закомлистов А.Ф. Судебная этика. СПб., 2002. С. 180.

¹ Цит. по: Луценко С.И. Философия права через призму решений Европейского Суда по правам человека // Современное право. 2013. № 10. С. 46 (со ссылкой на Постановление ЕСПЧ от 18.10.2006 г. по делу «Эрми против Италии»).

и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Из этой формулы следует, что если виновность подсудимого в ходе судебного следствия в недостаточной мере подтверждена либо подтверждена не всей совокупностью исследованных судом доказательств, то обвинительный приговор не может быть постановлен. А какой он может быть в этом случае — оправдательный?

В свою очередь, в ч. 2 этой статьи перечислены четыре случая, когда постановляется оправдательный приговор, и в нем случая недостаточности доказательств в совершении подсудимым инкриминируемого ему преступления нет. Правда, назван случай постановки оправдательного приговора, если «подсудимый не причастен к совершению преступления». Но требования, чтобы этот факт непричастности был в ходе судебного следствия доказан, так же нет.

Вместе с тем в числе вопросов, разрешаемых, как это предусмотрено ст. 299 УПК РФ, в совещательной комнате судом при постановлении приговора, назван: «доказано, что деяние совершил подсудимый». Но именно здесь-то и главное: если в совещательной комнате судья («тройка» судей) решит, что доказано, то проблемы нет — фактические обстоятельства по делу, установленные судом, доказывают: он убил..., а дальше — нужно лишь дать правовую оценку этому доказанному... Проблема возникает, когда в совещательной комнате однозначный ответ на этот вопрос отсутствует.

А это все, даже при формальном подходе к содержанию перечисленных норм УПК РФ, означает, что идеальный судья (судья — Геркулес...) в ситуации осознания им недостаточности доказательств виновности подсудимого с одновременной недостаточностью доказательств его невиновности (как минимум, при наличии сомнений в этой невиновности) по-настоящему справедливый приговор вынести не в состоянии. Или тогда справедливость следует понимать иначе: смог скрыть, пусть не полностью, следы (доказательства) своего преступления. Равно — в ходе дознания, предварительного и (или) судебного следствия не добыто или не зафиксировано надлежащим образом достаточно доказательств вины подсудимого — он полностью свободен, что в принципе по последствиям равнозначно оправдательному приговору.

Но если не вступать на путь подобного понимания справедливости, то следует признать: в подобной ситуации здесь невозможен ни оправдательный, ни обвинительный приговор, даже теоретически.

Практически же, если судья придет посоветоваться по поводу возникших у него подобных сомнений к председателю своего суда (судебной коллегии и проч., подразумевается, что тот — большой специалист, с большим опытом...), то, не исключено, получит совет: ты прежде всего — судья, а потом уже — рефлексующий человек. Отбрось сомнения, процессуальные органы собрали достаточно доказательств, раз прокурор утвердил обвинительное заключение..., что в значительной мере напоминает советский период правосудия, когда судье указывали: ты прежде всего — коммунист, а лишь потом — судья (а потому вынеси тот приговор, который тебе партия укажет). Но ведь настоящий, советский, справедливый судья всегда будет сомневаться...

Само по себе «взвешивание» доказательств по рассматриваемому судьей делу — сложная и многокомпонентная активная мозговая деятельность. Нет сомнений в том, что она у каждого судьи строго индивидуальна, ибо нет и не может быть людей с одинаковой мозговой деятельностью. Но и у каждого конкретного судьи эта мозговая деятельность, включая названное взвешивание доказательств, протекает в различных режимах, зависящих от целого ряда физиологических, темпоральных и иных факторов.

Безусловно, если бы названное «взвешивание» доказательств, а тем более их анализ и оценку в конкретном судебном процессе осуществлял специализированный робот (искусственный интеллект), то обозначенных «режимных» колебаний у него бы не образовалось. Но в то же время очевидно, что именно названное «взвешивание доказательств», производимое судьей — человеком и осуществляемое посредством огромного комплекса чисто человеческих качеств, свойств души и черт характера, обеспечивает вынесение существенно более справедливого судебного акта, нежели это сделала бы бездушная и бессердечная машина.

А требовать от судьи — человека, «чтобы он воспринимал», взвешивал и оценивал доказательства по рассматриваемому им делу вне зависимости от того, здоров и бодр он в этот момент или сильно устал и чувствует общее недомогание и т.д., бессмысленно. К тому же судья, что бы ни говорилось о его независимости, в оценке доказательств зависит и от рамок судейского усмотрения, хотя обычно принято считать, что эти рамки для судьи значимы лишь при вынесении приговора.

А как мог и должен был, к примеру, оценить судья представленное в рассматриваемом им уголовном деле (о ДТП со смертельным исходом) доказательство — подписанное зав. отделением судебно-медицинской экспертизы г. Железнодорожный

закключение об обнаружении в организме попавшего под автомашину шестилетнего мальчика алкоголя в объеме 2.7 промилле? Дело было около двух лет назад, и общественность возбудилась именно несуразностью данного экспертного заключения — подобный объем алкоголя в организме здорового мужчины способен ввести его в кому. А ведь эксперт перед телекамерами бравировал своим экспертным профессионализмом, непогрешимостью своего заключения и требовал возбудить уголовное дело против родителей погибшего ребенка за его спаивание. И лишь чрезмерно завышенный объем «обнаруженного» экспертом алкоголя в крови ребенка привел к тому, что в рамках уголовного дела спустя немалое время благодаря усилиям 18 экспертов, проводивших комплексную судебную экспертизу, была выявлена халатность упомянутого зав. отделением судмедэкспертизы, который «неадекватным образом изъясил образец крови погибшего мальчика», в результате чего в образец попала спиртообразующая микрофлора, приведшая к процессу спиртового брожения⁶.

А ведь если бы зав. отделением судмедэкспертизы не «переусердствовал» и зафиксировал бы наличие алкоголя в крови погибшего ребенка в объеме незначительном, но достаточном для «убеждения» следователя в наличии вины самого мальчика в ДТП, разворот данного уголовного дела с очевидностью был бы иным. И как бы мог и должен был оценивать совокупность доказательств по данному делу рассматривающий судья, когда, с одной стороны, он имеет в деле заключение эксперта о том, что погибший мальчик был нетрезв, и допрошенный в судебном процессе эксперт рьяно подтвердил под присягой правильность проведенного им исследования, а с другой стороны, видит перед собой и слышит показания родителей погибшего ребенка, их соседей и др. о том, что «такого не было и не могло быть вообще»?

Раньше, в советский период, судья мог в подобной ситуации на этой стадии (до вынесения приговора) вернуть дело на дополнительное расследование, поручив, чтобы на стадии предварительного следствия были добыты дополнительные, более убедительные доказательства виновности подсудимого.

Автор этих строк лично встретился с подобной ситуацией, чуть более 30 лет назад участвуя в качестве народного заседателя в процессе по обвинению директора Дома культуры в получении взятки. Это был процесс в суде второй инстанции, в юрисдикцию которой входило рассмотрение дел, и в первой инстанции по «расстрельной»

статье — в силу руководящей должности подсудимого.

Это дело было одноэпизодное с одним подсудимым. Инкриминируемая ему взятка составляла незначительную и по тем временам сумму в 300 руб. Причем «наш» судебный процесс был уже повторным — предыдущий состав именно на стадии вынесения приговора направил дело на дополнительное расследование — доказательств виновности подсудимого ему было недостаточно.

При доследовании новых доказательств обнаружено не было (и вряд ли они объективно существовали), следователь элементарно передопросил всех (24) свидетелей, многие из которых, по существу, вообще изначально ничего не засвидетельствовали. В результате к трем томам уголовного дела прибавился четвертый. А подсудимый к «нашему» процессу уже девять месяцев находился «под стражей».

Разумеется, и «наш» состав суда в этом — втором — процессе оказался в той же ситуации: аккуратно в течение месяца передопросили всех свидетелей, обвиняемого, оперативников, задерживавших подозреваемого, и проч., но также односторонних, убедительных доказательств, достаточных для обвинения подсудимого в получении взятки, не появилось. Еще раз возратить уголовное дело на дополнительное расследование по причине процессуального характера было невозможно. Как минимум, это подтверждает: проблема названной выше дихотомии была острой, даже не вчера.

Сегодня же при недостаточности доказательств как для обвинительного, так и для оправдательного (а их и не формируют) приговора, даже отправить дело для дополнительного расследования, в идеале — для добычи дополнительных доказательств либо для одного, либо для другого уголовно-процессуальной возможности нет. Статья 237 УПК РФ перечисляет основания возвращения судом уголовного дела прокурору, но лишь на стадии проведения предварительного слушания, а на нем суд не устанавливает всей совокупности доказательств по делу. Она формируется в сознании судьи лишь на заключительной части стадии судебного разбирательства.

И идеальный судья (судья — Геркулес...), будучи обязанным руководствоваться при вынесении приговора ч. 1 ст. 297 УПК РФ, согласно которой приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, оказывается перед выбором: какой приговор — обвинительный или оправдательный — постановить, когда он в своем сознании не обладает достаточным объемом доказательств ни для того, ни для другого.

Хорошо (для «идеального» судьи, судьи — Геркулеса...), если есть основания и возможность

⁶ См.: Полетаев В. Подозрительный анализ // Росс. газ. 2019. 15 авг.

переквалифицировать обвинение подсудимому на более мягкую статью УК РФ: п. 6—1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд при постановлении приговора решает вопрос, имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Такая возможность имела и в эпоху Советской власти — именно так поступил около 30 лет назад суд, в котором в качестве народного заседателя осуществлял правосудие автор этих строк в описанном выше сюжете. Тогда обвинение подсудимому во взятке (по «расстрельной» статье (!) — и дело было на контроле высоких партийных инстанций) было переквалифицировано на обвинение в злоупотреблении подсудимым служебным положением. Приговор был вынесен обвинительный, но уже сообразно «переквалифицированному» обвинению. Но — главное — оправдательный приговор здесь вынести было нельзя, он был бы несправедливым, доказательств невиновности в получении взятки было явно недостаточно, а доказательств виновности в злоупотреблении служебным положением хватало с лихвой. Кстати, этот приговор вышестоящая судебная инстанция без промедления «засилила».

Но это — если сложится такая доказательная база, что бывает нечасто. Обычно же оснований для подобной переквалификации нет, и суд (судья, судьи в составе суда, коллегия присяжных заседателей — это же люди со своим индивидуальным мировоззрением, собственной шкалой жизненных ценностей и ориентиров...) должен выбрать вариант: подсудимый виновен/невиновен. Доказательств в необходимом объеме нет ни для того, ни для другого решения.

Но при этом ситуация отягощается тем обстоятельством (для выполнения судьей главной обязанности — вынести именно справедливый судебный акт), что в обвинительном приговоре он должен изложить всю совокупность доказательств вины подсудимого, а относительно оправдательного — в УПК РФ о необходимости изложения всей совокупности доказательств невиновности подсудимого даже не упоминается.

Но ведь потребовать от законодателя закрепления в УПК РФ положения, что в случае, когда судья считает, что если для обвинительного приговора недостаточно доказательств (не то что их вообще нет, что равносильно либо отсутствию состава преступления, либо вообще события преступления, а именно недостаточно, в недостаточном по совокупности объеме они есть), то судья должен вынести оправдательный приговор, будет несправедливо, во всяком случае (как полагает автор) в восприятии идеального судьи. Мало ли по каким причинам на предварительном и судебном

следствии не добыто достаточных «обвинительных» доказательств. Судья полагает, что объективно они есть. Он внутренне осознает, что после вынесения оправдательного приговора подсудимый (который отлично знает, что это преступление совершил он, и то, что у суда недостаточно «обвинительных» доказательств, — для него дело счастливо-го случая, который наверняка в будущем не повторится) скорее всего скроется. И осознание всего этого подталкивает судью в направлении вынесения обвинительного приговора — иного варианта ведь нет.

С другой стороны, сама недостаточность доказательственной базы психологически не позволяет судье вынести не только обвинительный приговор в соответствии с предложением обвинителя, но даже средний по шкале наказаний соответствующей нормы УК РФ. Скорее всего в описанной ситуации идеальный судья (судья-Геркулес...) определил бы, руководствуясь собственным пониманием справедливости, низшую по шкале меру наказания, а если бы имела возможность — то и «ниже низшего». Не потому ли оправдательных приговоров у нас крайне мало — в 2018 г. их было всего 0.25%?

Все это — в условиях указанной выше дихотомии видов приговоров. И по большому счету это несправедливо вследствие несправедливости самого дихотомного подхода к видам приговоров.

Но ведь известны и недихотомные подходы. Например, еще в 1728 г. в Шотландии были введены три вида судебных вердиктов: «виновен», «не виновен» и «не доказано». В 1989 г. в Италии Кодексом уголовных процедур было вообще введено пять вариантов вердиктов. Но наиболее интересным в плане рассматриваемой здесь проблемы представляется опыт Российской Империи. Речь идет об институте «оставления под подозрением», корни которого в научной литературе относят к 1716 г. («Краткое изображение процессов и судебных тяжб») ⁷. Вообще институт подозрения в дознании и предварительном следствии в науке уголовно-процессуального права не остается вне поля внимания, в том числе в форме диссертационных исследований ⁸. Трактовку правового стандарта обоснованности подозрения обнаруживаем в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений

⁷ См.: Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России // Вестник СГЮА. 2014. № 3 (98). С. 236—242.

⁸ См., напр.: Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Аверченко А.П. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», содержание которого проанализировал В.В. Рудич⁹.

Но здесь речь идет о другом институте — именно об институте «оставления под подозрением» как самостоятельном виде судебного приговора. Впрочем, и этот институт находит определенные отражения в современной научной литературе¹⁰. В шеститомнике «Судебная власть в России: история, документы» институт «оставление в подозрении» (*absolutio ab instantia*) освещается (в сегменте Свода законов Российской Империи 1857 г.) со ссылкой на работу Н.Н. Розина¹¹ так: «При недостатке полных доказательств, но при наличии “некоторых улик” суд был вправе, исходя из обстоятельств дела, оставить подсудимого в “простом” *подозрении* или в подозрении, сопряженном с отдачей на поруки (ст. 1177 т. XV Свода)». В эпоху «сводного законодательства» 87,5% приговоров были именно такого рода. И здесь же со ссылкой на журнал Министрства юстиции¹² обосновывается этот «высокий процент»: По свидетельству современников, «огромное число оставляемых, по недостатку доказательств, в подозрении объясняется не только отсутствием устности судопроизводства и законной теорией доказательств, но и неуспешностью следствий, которая происходит очень часто от той гласности, которая у нас существует *de facto*, вопреки воле законодателя». И далее в примечании приводится пример со ссылкой на другой источник: «В настоящее время следователю часто случается помещаться в одной комнате с хозяевами, особенно зимою, причем *бывает весьма трудно избежать* присутствия посторонних лиц, которые, передавая кому не следует слышанное при следствии, вредят успешному его ходу или же преждевременным разглашением какого-либо предположения следователя бывают причиною неудачной выемки и проч.»¹³.

Как указывает А.В. Калинин, вынесение приговора об оставлении в подозрении практически

приравнивалось к признанию лица виновным, и в зависимости от «важности обвинения» и «силы подозрения» предусматривалась альтернативная ответственность, которая заключалась в том, что лицо ссылалось на поселение либо отдавалось на военную службу, либо передавалось под надзор полиции¹⁴. А.А. Великопольская расширяет указанный спектр, отмечая: «По Своду законов существовало три вида приговоров: обвинительный, оправдательный и об оставлении в подозрении. Приговоры «об оставлении в подозрении» составляли огромный процент среди судебных приговоров — 87,5%. Суд при вынесении данного вида приговора руководствовался следующими правилами. Если против подсудимого при недостатке полных доказательств имелись некоторые улики, то суд с учетом важности обвинения и улики принимал одно из следующих решений: 1) оставить лицо в подозрении; 2) отдать под надежное поручительство, если находился поручитель, при условии надлежащего впредь поведения, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения, ибо впоследствии могли открыться новые доказательства, в связи с чем поручитель обязан был предоставить осужденного в суд для нового судебного разбирательства; 3) предоставить подсудимому возможность дать присягу для очищения от подозрения (ст. 1177 Свода)»¹⁵.

Как бы то ни было, в отличие от оправданного, оставленного под подозрением можно было вновь привлечь к уголовной ответственности за то же преступление в случае выявления новых доказательств его виновности в совершении данного преступления.

Остроту рассматриваемой проблеме придает и появление качественно новых видов судебных доказательств, появившихся в связи с развитием Интернет-технологий. Это — электронная переписка (приобретающая силу доказательства обычно по заверении ее нотариусом, но иногда просматриваемая судом непосредственно в ходе судебного заседания); скриншоты и снимки инстаграмм; аудио и видеофайлы (и доказательственная «сила» этих двух видов доказательств, если это — записи с других судебных процессов, в которых говорится про обстоятельства, которые нужно доказать, различна — ведь в силу закона проведение фото-, кино- и видеосъемки в процессе допустимо лишь при наличии разрешения суда, а для аудиозаписи закон такого разрешения не требует); аффидевиты (нотариально заверенные заявления, по сути, показания свидетелей, которые в силу различных причин лично не участвуют в процессе); ксеро-, фото и пр.

⁹ См.: Рудич В.В. Проверка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 года // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37).

¹⁰ См., в частности: Великопольская А.А. Институт подозрения: понятие и значение в уголовном процессе России // Росс. судья. 2015. № 8. С. 23–27.

¹¹ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд. Пг., 1916. С. 56, 57.

¹² По поводу судебной реформы России // Журнал Министерства юстиции. Т. XXII. 1864. Декабрь. С. 375.

¹³ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / науч. конс. проекта Е.А. Скрипилев. Т. III «От Свода законов к судебной реформе 1864 г.» / отв. ред. А.В. Наумов. М., 2003. С. 277.

¹⁴ См.: Калинин А.В. Указ. соч. С. 238.

¹⁵ Великопольская А.А. Указ. соч. С. 24.

копии документов (в случае утраты их подлинников) либо подписанных дистанционно электронной подписью и т.д.

* * *

Разумеется, научно-технический прогресс в расширении сферы появления принципиально новых видов судебных доказательств и далее будет развиваться, а значит, неоднозначность оценки их судом при вынесении как оправдательных, так и обвинительных приговоров будет усугубляться.

Есть достаточно оснований для перехода в современных реалиях от дихотомного подхода к приговору (при недостаточности доказательств для вынесения обвинительного приговора и недостаточности оснований для оправдательного приговора) к нескольким вариантному (минимум — трехвариантному) подходу с обязательными гарантийными барьерами против могущих появиться злоупотреблений в этой сфере. Разумеется, необходимы будут предварительные прорывные многопрофильные научные исследования в рамках программного совершенствования уголовной политики в Российской Федерации.

Да уже сейчас проблема формализации третьего вида приговоров — не оправдательных и не обвинительных — с неизбежностью встанет во весь рост. К этому следует готовиться в самое ближайшее время посредством прежде всего расширения спектра и углубления соответствующих научно-правовых и смежных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверченко А.П.* Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
2. *Великопольская А.А.* Институт подозрения: понятие и значение в уголовном процессе России // *Росс. судья*. 2015. № 8. С. 23–27.
3. *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л.Б. Макаева М., 2004. С. 152.
4. *Закомлистов А.Ф.* Судебная этика. СПб., 2002. С. 180.
5. *Калинкин А.В.* Сущность и история становления института подозрения в России // *Вестник СГЮА*. 2014. № 3 (98). С. 236–242.
6. *Клеандров М.И.* Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования. М., 2017. С. 166–176.
7. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / науч. конс. проекта Е.А. Скрипилев. Т. III «От Свода законов к судебной реформе 1864 г.» / отв. ред. А.В. Наумов. М., 2003. С. 277.
8. *Луценко С.И.* Философия права через призму решений Европейского Суда по правам человека // *Современное право*. 2013. № 10. С. 46.
9. По поводу судебной реформы России // *Журнал Министерства юстиции*. Т. XXII. 1864. Декабрь. С. 375.
10. *Полетаев В.* Подозрительный анализ // *Росс. газ*. 2019. 15 авг.
11. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. 3-е изд. Пг., 1916. С. 56, 57.
12. *Рудич В.В.* Проверка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 года // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016. № 3 (37).
13. *Церковный Ю.В.* Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
14. *Яковлев В.Ф.* Статус судьи есть статус власти // *Государство и право*. 2004. № 1. С. 5.

REFERENCES

1. *Averchenko A.P.* The Suspect and the exercise of human rights in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2005 (in Russ.).
2. *Velikopolskaya A.A.* Institute of suspicion: the concept and importance in criminal trial of Russia // *Ross. judge*. 2015. No. 8. P. 23–27 (in Russ.).
3. *Dvorkin R.* On rights in earnest / ed. by L.B. Makaeva. M., 2004. P. 152 (in Russ.).
4. *Zakomlistov A.F.* Judicial ethics. SPb., 2002. P. 180 (in Russ.).
5. *Kalinkin A.V.* The essence and history of the establishment of the Institute of suspicion in Russia. 2014. No. 3 (98). P. 236–242 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* Legal organization of the justice mechanism of the Russian Federation: problems of improvement. M., 2017. P. 166–176 (in Russ.).
7. *Kutaфин O.E., Lebedev V.M., Semigin G. Yu.* Judicial power in Russia: history, documents: in 6 vols. / cons. project E.A. Skripilev. Vol. III “From the Code of laws to the judicial reform of 1864” / rev. ed. by A.V. Naumov. M., 2003. P. 277 (in Russ.).
8. *Lutsenko S.I.* Philosophy of Law through the prism of decisions of the European Court of human rights // *Modern law*. 2013. No. 10. P. 46 (in Russ.).
9. About judicial reform of Russia // *Journal of the Ministry of justice*. Vol. XXII. 1864. December. P. 375 (in Russ.).

10. *Poletaev V.* Suspicious analysis // *Ross. gas.* 2019. 15 Aug. (in Russ.)
11. *Rozin N.N.* Criminal proceedings. 3rd ed. Pg., 1916. P. 56, 57 (in Russ.).
12. *Rudich V.V.* Checking the validity of suspicion when the court decides to elect a preventive measure in the context of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016 // *Legal science and law enforcement practice.* 2016. No. 3 (37) (in Russ.).
13. *Tserkovny Yu.V.* Institute of suspicion and features of its implementation in the production of inquiry: dis. ... PhD in Law. M., 2011 (in Russ.).
14. *Yakovlev V.F.* Status of the judge is the status of power // *State and Law.* 2004. No. 1. P. 5 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russia